

АНОНС

ЭТО НАША С ТОБОЙ БИОГРАФИЯ

Вышла новая книга писателя Николая Смирнова «Было на Саянском», изданная издательством «Советская Россия» в серии «Писатель и время». Надо заметить, что издательство это далеко не безразлично к нашей западно-сибирской нефтяной тематике. На книжной полке издания этой же серии можно увидеть книги Константина Лагунова, Валерия Поволжова, Любови Заворотчевой...

Имя Смирнова хорошо известно нашим читателям, и не только по книгам. Он не брезгает — и может, в этом заслуга каждого хорошего писателя — журналистским хлебом. Воспоминаются его зарисовки, очерки, а то и просто информации о строителях железной дороги, которую в первой половине семидесятых годов путевцы тянули через болота от Сургута до Нижневартовска. Они потом и послужили ему основой для его очеркового сборника «1000 шагов к Саянскому». Книга эта увидела свет семь лет назад в Свердловске. Новая же, московская книга, в заглавии которой опять же знаменитое озеро Саян, посвящена буровикам, тем, кто пробивает брешь и залежам нефти.

О чем она? Как сказано в аннотации, это живой, взволнованный рассказ участника освоения известного нефтяного месторождения. Автор в середине семидесятых годов, как он сообщает в начале повествования, по напутствию главного тогда геолога Главтюменнефтегаза Ю. Б. Фаина пошел работать в бригаду Героя Социалистического Труда Г. К. Петрова из Нижневартовска.

Пошел слесарем по монтажу противовыбросовых установок — превенторов. «В производственной глубинке увижу больше, без прикрас и иллюзий», — выдвигает автор свое кредо.

Смирнову действительно удалось увидеть и услышать многое из того, что никогда не увидят заезжему газетчику, которого еще по пути на буровую больше всего интересует, а не испортится ли погода для вертолетов к вечеру.

Скажете, мы — свидетели и участники всего того, что делается в нашем крае, сидели ли мы на выкинутом из Саян бревне рядом с Григорием Петровым или Геннадием Левиным, защищаясь от надоевшей мошкары папиросным дымом? Время идет, растут, меняются люди. Хотя по-прежнему Петров разбуривает со своей бригадой Саянское месторождение, Левин уже руководит известным на всю страну буровым управлением в Сургуте. И это лишний раз говорит о том, что надо спешить творить добрые дела, чтобы потом писать о них.

Помимо известных каждому мастеров бурения, книга населена и другими героями, обыкновенными людьми, которые, каждый на своем месте, продолжают делать частицу одного большого дела.

Книга читается на одном дыхании. Кажется, что совершил поездку на Саян, кажется, что лично познакомился с людьми, о которых рассказывает автор, кажется, что их биография — это и твоя тоже биография.

А. АЛЕНОВ.

Я живу на земле

Я иду по Земле
Под распахнутым небом.
Улыбается даль,
так лукаво
маня.
Знаю,
Честным моим,
Заработанным хлебом,
Как изгой, Земля
Не обделит меня.
Я иду по Земле...
И считаюсь
богатым,
Да и что возражать?

Здесь не надо
речей.
Небо мирное
— кров.
Нежность поля
— палаты.
Ненюгасший очаг —
Это песни детей.
Я живу на Земле
От родного начала.
Улыбаясь,
грустя,
ненавидя,
любя,
охраняя ее.
Вал огня и металла,
как миллионы людей,
я беру на себя.

Н. ШАКУРА

Мгновение

Рабочий гул аэродрома,
Как песня нашего
прощанья.
И ты до боли знакомой
Стоишь за той незримой
гранью.
Поступком, словом,
жестом, мыслью
Мне возвратить тебя бы
надо.
Но наши души, словно

листья,
Тревожит ветер
листопада.
И давит тяжесть мне на
плечи,
И заковала гордость
руки.
Одно мгновение дляя
встречи,
Тысячелетия — разлуки.

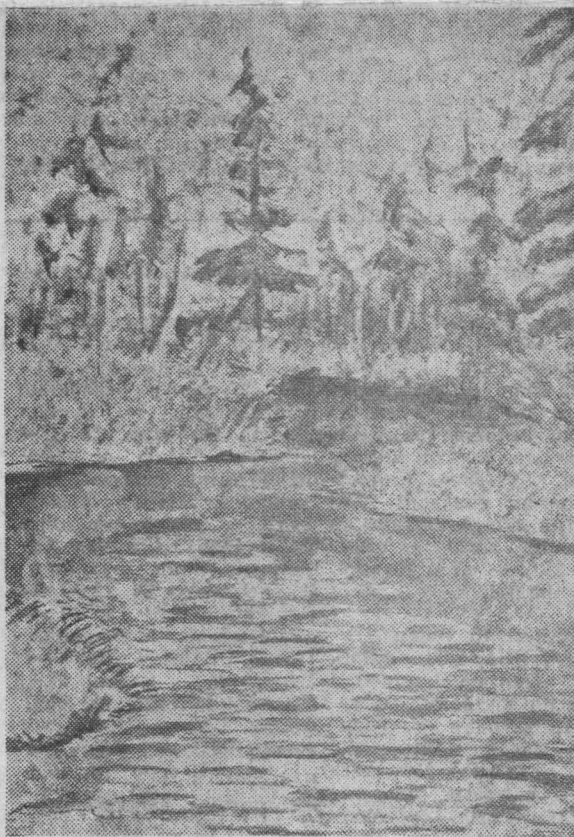
Г. ВАСИЛЬЕВ

Эти синие полосы снега
В полуночной и лунной
тайге,
От деревьев струящихся
с неба,
Но стоящих на стылой
ноге.
Зачеркну их лыжной с
восхищением,
Переполнявшим душу
мою,
Оттого ли, что рад
возвращенью,
Что один в этом тихом

краю?
Только — я, не считая
деревьев
да моей посиневшей
лыжни!
Да еще — этот веский и
древний,
Мир небесный, зажегший
огни.
От него это все-таки,
видно,
Да от этой морозной
земли
Песню петь про себя мне
не стыдно,
Как и им, — не немые

Я двадцать лет прилежно
созерцал
Окрестную природу.
И проходила мимо жизнь.
А смысл ее надеждами
мерцал.
Я останавливался с ходу,
Кричал: «Остановись!»
Не помогало — двигалась
она.
Повиноваться не
хотела,

Жила сама собой.
Тогда набатом билась
тишина,
Заболело тело.
И это называл судьбой?!
Но кто ее мне свыше
даровал
С рождения, а может,
после?
Не думал даже: сам
Способен взглянуть за
перевал,
Не отдаваясь
злости

ЮМОРЕСКА

ВЫКРУТИЛСЯ

...Тонко, прозвитель-
но завязжали тормоза
«Запорожца» и «жигу-
ленка». Коротко ахнул
металл, звонко посыпал-
лись осколками стекла.
— Ты что, ослеп? Ку-
да прешь?
— А ты куда? Не ви-
дишь, что ли?
— Боже мой, — жалоб-
но заделетал Лысков,
временами всплескивая
руками. — Десять лет я
копил деньги, чтобы
приобрести этот «Запо-
рожец».

— Вот чудак, зачем
такой дорогой автомо-
биль покупал, а вот за
год приобрел, — уди-
вился Защвили — вла-
делец «Жигулей».
— Что же теперь де-
лать? — жалобил Лы-
сков.
— А что теперь? Ни-
чего не поделаешь, ес-
ли так произошло. Да-
вай, что ли, с горя вы-
пьем, у меня есть пре-
восходный коньяк, —
предложил Защвили.
— Теперь уж и в са-

Помбуры

Моя товарищи — помбуры,
Я тоже, «стало быть»,
помбур,
Когда они бывают
хмуры,
Тогда и я бываю хмур.
Опять не клеится работа.
Опять всю вахту нелады.
И что обидно, ведь
всего-то
Из-за какой-то ерунды,
Из-за какой-то железяки
Терять приходится
полдня.
Сидим на трубах, как
казаки,

Н. СОЧИХИН

«Султана» местного
кляня.
Но вот когда предстанет
случай,
«дорог ойчо гайи эси и
Чего уж и придумать
лучше,
Ну хоть пляши, хоть
песни пой!
Тогда летаем мы с
охотки
По буровой
в избытке сил,
Чтоб полновесный метр
проходки
В журнал «бурила»
заносил.

ПРОБА ПЕРА

Д. БЕРЕГОВИН

Над землей теплится
рассвет,
С неба звезды слепо
смотрят вниз,
Месяц над моею
головой,
Как клинок отточенный,
повис.
Я стою на берегу реки,
Как свеча, горит в душе
печаль,
Ты ее попробуй погаси,
Ветерок хмельной,
летающий вдаль.
Ты ее задуй, печаль
мою,
Затуши дыханием
своим,
И душа моя взметнется
ввысь,
А полет души
неповторим.

Остановишься и —
онемеешь:
Все звучит, все негромко
поет,
Не кидается с криком
на шею:
— Понимаете? Слышит
народ!
Все трескучее я не
приемлю
За навязчивость, может,
за шум.
Отчего и люблю эту
тихую землю,
Что не давит мой ум...

И беспредельным
небесам.
Природы красота и
доброта
Со мной не обручились,
Смеялись, тыкали в
лицо:
— Смотри — природа-то
давно не та,
Какую предки вам
вручили!
Я стал давно отцом...

В. ПЕРМИНОВА С днем рождения

Любимый мой,
незабытый, желанный,
Прими поздравления
И пожелания:
Будь счастлив
как хочешь,
Будь счастлив
как можешь —
Я помню, я думаю,
я берегу.
И если я вправду
своею любовью
Женщина может
мужчину хранить,
И если я вправду
своею душою
Любимого, помня,
от бед защитить —
Что ж, я поверю и в
бога, и в черта,
Тою и другого я молю —
Всеми силами,
всеми нервами,
всею кровью —
Тебя я храню!

Я б весь мир на стихи
положил,
Но для этого нужно
искусство,
Долгий труд до кипения
жизни
И большое вселенское
чувство.
Я б весь мир на стихи
положил,
И когда только сделаю
это —
То, что выше пока моих
сил, —
Вот тогда, может, стану
поэтом.

Падал снег, оседая на
лица,
Мчались сани дорогой
степной,
Мчались сани, судьбы
моей сани,
А на козлах — ямщик
удалой.
Вот он свистнул
кнутом, вот он гикнул,
Кони-кони, быстреей, ну
быстреей!
Мчались сани, судьбы
моей сани —
Я похитил тебя у
людей.
Падал снег, оседая на
лица,
Мчались сани дорогой
степной.
Мне казалось, что все
это снится...
Если б не был я рядом
с тобой.

От счастья болит голова,
От радости сердце
кружится,
Вплетаются в рифму
слова,
Как белые, добрые
птицы.
И любовь моя этим жива,
И любовь моя в этом
продлится..
Как от счастья болит
голова!
Как от радости сердце
кружится!

А. МАНЕЦ